

© 2011 г. *А.В. Бабайцев*

УДК 141.2

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ

Политический символогенез обусловлен различными причинами: природными условиями жизни и деятельности человека (социальной группы, этноса и т. д.), социальностью, психическими состояниями человека, его витальными потребностями и аффективными состояниями, представлениями, понятиями, системами идей, нравственных идеалов, этических норм, эстетических ценностей, целью деятельности. Одной из основ политического символогенеза является человеческая физиология.

Элементы знаковости присутствуют в ощущениях и восприятии человека. И.М. Сеченов показал, что в психике «объективные реальности» могут отражаться двумя способами – по их подобию и в виде знаков [1]. Это подтверждается и более поздними исследованиями [2; 3; 4; 5]. Поэтому можно утверждать, что чувственное отражение – это процесс, который имеет образное содержание и знаковую форму. Образное содержание и знаковая форма чувственного знания обусловлены сущностью процесса отражения [6]. Отражение всегда состоит из двух компонентов: содержания и формы (или, говоря по-другому, – образа и модальности). Психическое отражение имеет образно-знаковый характер. «Образность отражения, т. е. соответствие структур отражения и оригинала, детерминирована наличием законов взаимодействия отражающего и отражаемого объектов» [7, с. 58].

Генетически исходными формами отражения мира организмом выступают следующие формы: 1) отражение питания, роста, размножения; 2) отражение двигательной активности; 3) отражение адаптационно-защитной (эмоциональной) стороны жизнедеятельности. Это первый этап в развитии отражательно-регуляционной функции [8]. Мозг – орган, который способен более тонко и дифференцированно отражать мир. Можно констатировать, что все

искусственные знаково-символические образования – это «усилители» и «удлинители» такого естественного органа отражения как мозг.

Внутренние коды человека обладают способностью субъективного проявления. Такие коды переживаются личностью как определенные психические явления, представляя собой информацию, содержащуюся в соответствующих нейродинамических кодах [9]. Следовательно, эти коды способны стать основой производства определенных символов, которые будут иметь структурное подобие с кодами головного мозга и иметь универсальный характер, они будут понятны всем без особых пояснений. Поэтому правомерно говорить о том, что символы вообще и политические, в частности, «...актуализируют внутренние модели и психические образы при восприятии информации адресатом и выражают их при ее передаче вовне» [10, с. 64].

Э. Линч в своих исследованиях обращает внимание, что основа знаковых и символических построений физиологична, иначе говоря «знаки и символы "выдают себя" за сигналы» [11, с. 59]. Так, улыбка, плач или смех являются неизменными составляющими детского поведения; поцелуй представляет собой модификацию сосания; эрекция пениса – реакцией взрослого самца на разного рода эротические стимулы; движения глаз и век служат сигналом распознавания объекта. Все это является физиологическим отражением физических реакций, которые универсальны для вида *Homo Sapiens* [11]. Именно поэтому использование физиологических «правил» при конструировании политических символов впоследствии эффективно использовать их политическими субъектами для воздействия на различные объекты.

Физиологическую основу символогенеза исследовали Е.Ю. Артемьева и В.Ф. Петренко [12; 13]. Этими авторами изучались «субъективно детерминированные» причины появления символических форм. Такие символы имеют общее «содержание», так как их основа – сходство тех переживаний и эмоций, которые они активизируют. Физиологическая основа символогенеза выявлялась следующим образом: испытуемый должен был выразить какое-то переживание, чувство, эмоцию через графическую фигуру (визуальный образ), или, наоборот, видя, графическую фигуру, описать свои эмоции и чувства, посредством предложенных семантических шкал. В результате исследования выяснилось, что имеются универсальные графические фигуры, которые большинством дешифруются одинаково. Существует и обратная законо-

мерность: при изображении конкретных понятий, например, «тяжелое», «доброе», «глупое», «устойчивость», «строгость», «сила» используются одни и те же графемы [12, 13].

Универсальность политических символов во многих случаях является биологически запрограммированной, что обусловлено генетической заданностью психического поведения человека. Г. Бауэр приводит образец письма, изобретенного школьником для тайной переписки. Некоторые геометрические знаки имели сходство с геометрическими знаками семитского письма. Аналогичный результат дал эксперимент, проведенный Й. де Грот, который попросил девятилетнюю девочку составить собственный алфавит, и она придумала двадцать шесть знаков, из которых семь абсолютно точно соответствовали знакам финикийского письма, а остальные были похожи на синайские, критские и кипрские [16]. Об этом говорит И.М. Мячикова: «Каждый человек оказывается запрограммированным при рождении на вероятностную (статистическую) реализацию конкретного психологического из бесконечной, континуальной последовательности его возможных проявлений при строго определенном воздействии социального на биологическое как в качественно-количественном плане, так и во временном интервале» [17, с. 53].

Средства эмоциональной выразительности являются универсальными для представителей различных народов, наций, этнических групп и рас [14]. На этот каркас «эмоциональной универсальности» впоследствии, при конструировании символа, накладывается «культурная индивидуальность», которая присуща данной социальной группе. Политический символ появляется и в результате переноса человеком собственного физиологического или эмоционального опыта. В таком случае важно, чтобы человек «узнал» в символе самого себя.

Политические символы могут быть произведены исходя из того, какой сенсорный канал (сенсорная модальность) является основным: оптический (визуальные символы), слуховой (звуковые символы), символы, связанные с восприятием запахов, тактильные и вкусовые. Помимо основных физиологических типов генезиса политической символики правомерно выделять и другие, основанные на «неклассической» сенсорике: гравитация, соматическая чувствительность, температурная и т. д.

О.А. Кармадонов доказывает, что существует несколько этапов когнитивного «возникновения» символа. Согласно его схеме вначале происходит то-

пический интенциональный акт – направленность сознания на предмет, его ноэматическое «обволакивание», объективация и фиксация; затем следует интроспективный акт – направленность сознания «внутри» предмета, в ходе которого осмысливается его доступное содержание, обобщается угаданная суть, происходит (по М. Хайдеггеру) «восхождение потаенного в непотаенность»; после этого – эйдетический акт – переживание сути и логики предмета, его идейно-образное оформление; и в конце – номинативный акт, который сводится к сигнификации предмета и его сути через, как говорит Г.В.Ф. Гегель, «рефлексию и единство», на основании семантического освоения осмысленных формы и содержания, угаданного закона вещи [15, с. 147].

Э. Фромм рассматривает символы, с помощью которых внутренние переживания, чувства, мысли становятся «осязаемыми событиями внешнего мира». Автор пытается определить почему некоторые символы имеют универсальные значения. Э. Фромм считает существующее определение символа («нечто, являющееся обозначением чего-то другого») приемлемым лишь в тех случаях, когда символы связаны с ощущениями. Они находятся вне нас и символизируют нечто внутри нас. Отвечая на вопрос: «В чем заключается специфическая взаимосвязь между символом и тем, что он символизирует?», Э. Фромм выделяет три типа символов: условные, случайные и универсальные [18, с. 185].

К условным символам автор относит прежде всего любые слова, так как они не имеют внутренней связи между обозначающим словом и предметом. Но даже если предположить, что первоначальное происхождение слов отражало некую связь между символом и тем, что он символизирует, все равно большинство слов для нас лишено этих значений. Условными могут быть не только слова, говорит Э. Фромм, но и образы. Так, государственный флаг символизирует какую-то страну, но при этом цвета флага не связаны с самой страной, которую они представляют. А если все же цвета и символизируют какую-то страну, то эта связь всегда условна.

Случайными символами являются те, которые как и условные, не имеют внутренней связи между символом и символизируемым предметом, объектом или явлением. Э. Фромм приводит следующий пример случайного символа: когда с кем-то в каком-то городе происходит что-то неприятное, то этот город тут же превращается в символ обиды, досады, неприятности. Главным в появ-

лении этого рода символов является настроение человека, его личный опыт. В силу этого случайные символы не могут быть одинаковыми для всех людей.

Третий тип символов – универсальные, на которых Э. Фромм останавливается особо. В таких символах между ними и тем, что они обозначают, существует внутренняя связь. Для подтверждения своей позиции анализируется символизм огня. Когда мы видим горящий очаг, говорит Э. Фромм, на нас производят впечатление определенные свойства огня: подвижность, неизменность, сила, энергичность, изящество, легкость. Когда же мы используем огонь в качестве символа, «мы описываем внутреннее состояние, характеризующееся теми же элементами, которые составляют чувства, испытываемые при виде огня» [18, с. 187].

Универсальные символы, подчеркивает Э. Фромм, – такой тип символов, в которых связь между символом и символизируемым не случайна, а внутренне присуща самому символу. «В основе этого лежит ощущение тесной связи между чувством или мыслью, с одной стороны, и физическим состоянием с другой» [18, с. 188]. Эта связь воспринимается всеми людьми одинаково. В основе такого рода символов лежат свойства нашего тела, ощущений и разума, говорит Фромм, характерных для любого человека. Это «единственный общий язык, созданный человечеством».

Природа универсальных символов генетически предрасположена. Нам, отмечает Э. Фромм, не нужно учиться плакать, когда мы расстроены, или краснеть, когда мы рассержены, эти реакции одинаковы для всех людей. Таков же и язык универсальных символов. В доказательство своего взгляда Э. Фромм приводит тот факт, что на языке универсальных символов создаются мифы во всех культурах – от первобытных до высокоразвитых. Эти символы обнаруживают «поразительное сходство», потому что восходят к чувствам и эмоциям, которые испытывают все люди.

Несмотря на это, трактовка некоторых универсальных символов может различаться в связи с географическими реалиями и условиями жизни. Так, солнце в северных странах — символ тепла и жизни, а в южных — опасности или даже угрозы.

Подробно Э. Фромм рассматривает такое свойство универсальных символов как многозначность. Данное качество основано на всевозможных переживаниях, которые ассоциируются с одинаковыми физическими явлениями.

Например, огонь в очаге, говорит Э. Фромм, вызывает ощущение жизни, тепла, удовольствия, а при виде дома или леса в огне возникает чувство опасности, страха и беспомощности. Таким образом, обосновывается, с позиций психофизиологии, универсальность символических значений.

Л. Демоз, исследуя многочисленные символы, приходит к выводу, что социальный или политический символ – это аллюзия плаценты, пуповины и плацентарной крови. Он считает, что эмоционально быть частью группы – это значит «разделять фантазию, будто находишься в матке и связан со всеми остальными множеством пуповин, то есть в буквальном смысле "кровными узлами", посредством которых организуется групповая роль человека относительно фетальных символов и проигрываются циклы фетальной драмы» [19, с. 345]. Л. Демоз подчеркивает, что «стоит человеку "стать частью группы", выпив символическую плацентарную кровь, как каждый элемент групповой фантазийной жизни приобретает ореол фетального символизма, где все является "священным" и "символическим"» [19, с. 345].

Флаг семантически соотносится с Питающей Пуповиной. Л. Демоз говорит, что внутри матки плод хватается за собственную пуповину, если испытывает сильный дискомфорт. В политических плакатах, особенно во времена войн и революций, изображается человек, который держит шест, веревку, цепь или другой предмет, выходящий из середины его тела: «наиболее распространенный политический символ, используемый в рисунках нациями, вступающими в войну, – это человек, держащий у живота шест» [19, с. 345]. В данном случае показательным является плакат И. М. Тоидзе «Родина-Мать зовет» (он был выпущен в первые дни Великой Отечественной войны), на котором изображена женщина, держащая в правой руке лист бумаги с текстом военной присяги. Лист прикрывает живот женщины. Справа и слева от Родины-Матери помещено множество штыков.

Л. Демоз считает, что главный женский знак – это или вульварный символ (треугольник, овал, прямоугольник) или знак «раны», в то время как мужские символы – это точки или короткие штрихи, а сегодня в психоаналитическом символизме точки или короткие штрихи в сочетании с треугольником обозначают детей во чреве [19, с. 367]. Плацентарную теорию политического символогенеза подтверждает, считает Л. Демоз, следующий факт: первым, что пытаются изобразить маленькие дети, является плацента, которая

предстает в виде «солнца» или «мандалы», и обычно такой рисунок похож на «осьминога» [19, с. 368].

Символ плаценты, считает Л. Демоз, также может быть свастикой [19]. Все эти плацентарные образы не были просто символами королевской власти, «они сами по себе были властью в ее конкретной форме» [19, с. 382]. Например, во время коронации фараона обращались непосредственно к самой Короне Красной Кобры, в которой «содержалась богиня Изида, а фараон, заявив сначала, что "вышел из нее", ритуально обращался к плацентарной короне» [19, с. 382 – 383].

Некоторые символы представляют для социума интерес в силу того, что затрагивают «струны», связанные с основными потребностями человека. В. Райх полагает, что свастика получила широкое распространение и социально востребована, потому что «изначально была сексуальным символом» [20, с. 119]. Позже свастика стала принимать различные значения, в том числе и значение мельничного колеса, которое символизировало, например, труд. Эмоционально труд и сексуальность тождественны. «Крючкообразный крест, – говорит В. Райх, – символизирует половой инстинкт... Свастика, расположенная слева, изображает половой акт в положении лежа, а свастика, расположенная справа – половой акт в положении стоя. Отсюда видно, что свастика символизирует основную функцию жизненного процесса» [20, с. 119].

Произвольное тестирование, проведенное В. Райхом, говорит о том, что исследуемые мужчины и женщины, различающиеся по возрасту и социальному положению, приходят к одинаковой интерпретации свастики. Это свидетельствует о том, что свастика «оказывает мощное воздействие на глубинные слои психики, причем сила ее воздействия определяется степенью неудовлетворенности и интенсивностью полового влечения личности» [20, с. 120]. Если же свастику представить как символ честности и верности, учитывая защитные стремления моралистского эго, то ее восприятие существенно облегчится [20, с. 120].

Любая трансформация, изменение, уничтожение традиционного символа – трагедия для привычной жизни социума. Поэтому символы ни при каких обстоятельствах не могут уйти «в никуда», они могут «спрятаться» на короткое время, чтобы появиться вновь или в том же самом, привычном «обличье», или изменившись незначительно. Так произошло, например, с совет-

ским Красным знаменем, превратившимся в Знамя Победы, или с музыкой А.В. Александрова, вновь ставшей государственным гимном. Власть вынуждена возвращать прежние символы, потому что на уровне физиологии резкое изменение известных и привычных символов приводит к глубочайшему социальному стрессу.

Таким образом, стало ясно, что политические символы можно характеризовать в контексте физиологии. Они способны актуализировать дорефлективные основания, «неосознанные» аспекты жизни в связи с политическими идеями и принципами. Социально-политические взаимодействия посредством политической символики осуществляются на основе возбуждения политической эмпатии и негативной мобилизации против «других». Используемые символы содержат различные истолкования идеальных образов политики и соотносятся с определенными социокультурными контекстами, что позволяет получать желаемые социально-политические эффекты в различных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сеченов И.М. Элементы мысли // Сеченов И. М. Избранные произведения / Под ред. В.М. Каганова. М., 1958.
2. Царегородцев Г.И., Губанов Н.И. И.М. Сеченов и развитие теории чувственного образа // Вестник АМН СССР. 1979. № 8.
3. Нарский И.С. К вопросу об отражении свойств внешних объектов в ощущениях // Проблемы логики и теории познания. М., 1968.
4. Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в системе в свете кибернетики и системного подхода. М., 1972.
5. Ричардсон Дж. Т.Э. Мысленные образы: Когнитивный подход/ Пер. с англ. М., 2006.
6. Царегородцев Г.И., Губанов Н.И. Принципиальные основания существования адекватного и знакового отражения на чувственной ступени познания // Вестник АМН СССР. 1978. № 4.
7. Губанов Н.И. Образное и знаковое в чувственном отображении // Философские науки. 1980. № 5.

8. Глотова Г.А. Человек и знак: Семиотико-психологические аспекты онтогенеза у человека. Свердловск, 1990.
9. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М., 1971.
10. Губанов Н.И. О специфике знака // Философские науки. 1981. № 4.
11. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии/ Пер. с англ. М., 2001.
12. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М., 2007.
13. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. М., 2010.
14. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
15. Кармадонов О.А. Социология символа. М., 2004.
16. Гельб И.Е. Опыт изучения письма. Основы грамматики/ Пер. с англ. / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 2004.
17. Мячикова И.И. Методологические основы символикосемантики. Минск, 2002.
18. Фромм Э. Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок и мифов // Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
19. Демоз Л. Психоистория / Пер. с англ. Ростов н/Д., 2000.
20. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб.-М., 1997.

*Донской государственный
технический университет*

17 мая 2011 г.